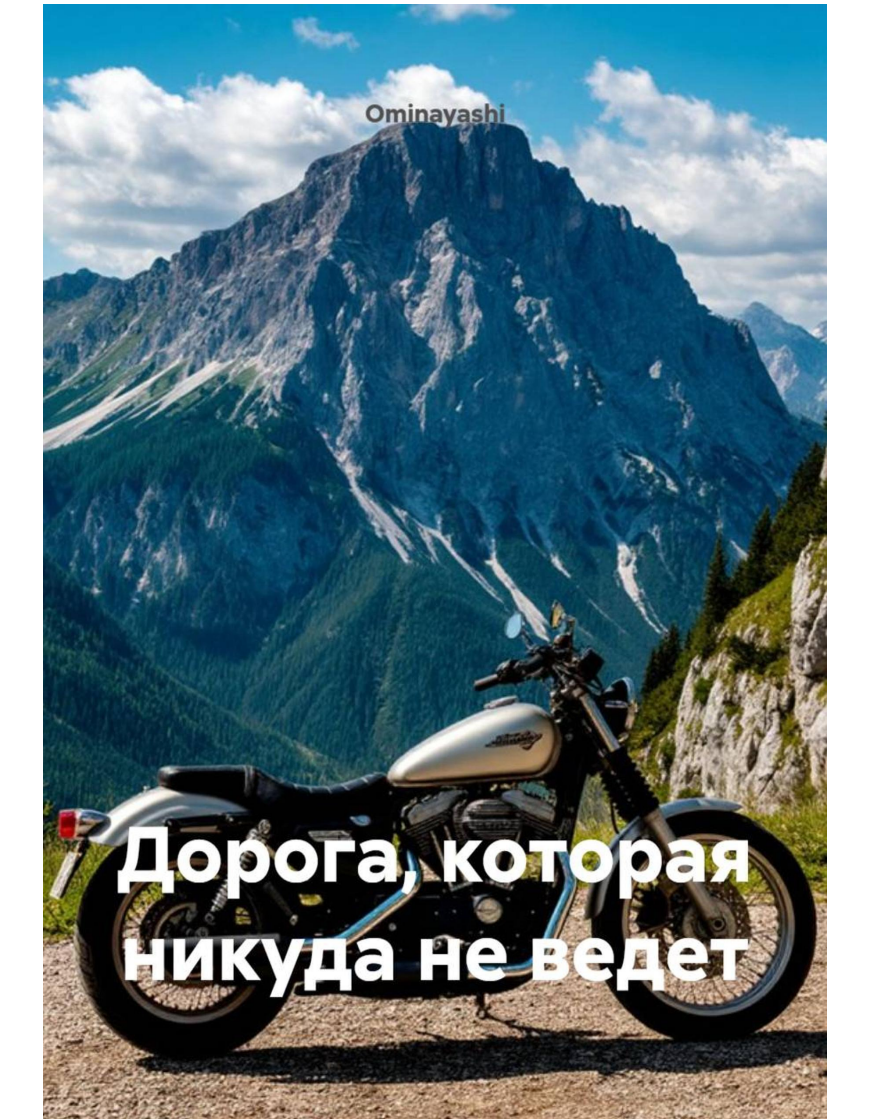

A Harley-Davidson motorcycle is parked on a gravel road in the foreground. The background features a massive, rugged mountain with steep, rocky slopes and patches of green vegetation. The sky is blue with scattered white clouds. The text "Ominayashi" is written in a small, black font at the top center of the image.

Ominayashi

**Дорога, которая
никуда не ведет**

Ominayashi Ominayashi

Дорога, которая никуда не ведёт

<https://litres.ru/74536982>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дорога, которая никуда не ведёт» — дорожная романтическая повесть о выборе между формой и свободой, разворачивающаяся в осеннем Мэриленде, где шоссе пахнут сыростью и прошлым.

Патрульная Таша Нэвилл, четыре года носящая форму как доспехи, встречает на обочине шоссе байкера Бобби Кэша — механика из клуба «Дорожные Псы», который читает Сэлинджера на обочине и говорит о дороге как о способе жить рядом с миром, а не внутри него. По пятницам они встречаются в кафе, ездят к озеру Гринбрайер, и Таша понимает: то, что она считала жизнью, было клеткой с открытой дверью. Когда клуб ставит Бобби перед выбором — семья или женщина-коп, — Таша принимает своё решение: уходит из полиции. Не ради него, а потому что впервые выбирает себя.

Повесть — о том, что единственная дорога, по которой стоит ехать, — та, которая никуда не ведёт. Все остальные ведут, а эта — освобождает.

Ominayashi

Дорога, которая никуда не ведёт

**Дорога, которая никуда не ведёт, или Таша и Бобби
на краю карты**

Глава 1. Дорога, которую никто не выбирал

Есть штаты, которые пахнут будущим, — например, Калифорния, где воздух на вкус как пластик и обещания. А есть Мэриленд, который пахнет прошлым. Тут всё пропитано сыростью и неторопливостью: болота, приливы, старые кирпичные домики, присевшие от усталости, и бесконечные ленты шоссе, рассекающие леса, будто кто-то провёл пальцем по мокрой карте и сказал: «Пусть тут будет дорога».

Таша Нэвилл знала каждое из этих шоссе наизусть. Не потому, что любила их — а потому, что четыре года работала патрульным в округе Вашингтон, штат Мэриленд, и дороги эти были её рабочим столом, операционной, полем боя — выбирайте метафору по вкусу, все три подойдут.

Утро вторника выдалось серебристо-серым, как спинка рыбы. Таша сидела в своём кружаке — не личном, служебном, — и пила кофе из стаканчика с логотипом заправки, который давно стал для неё символом всей жизни: однора-

зовый, обжигающий, с горчинкой. За окном медленно просыпался лес: дубы ещё держались за летнюю листву, но уже сдавали позиции — по краям листьев ползла рыжая кайма, словно ржавчина на старой жестянке.

Таша не считала себя красивой — и зря. Лицо у неё было породистое, скуластое, с чуть раскосыми карими глазами, в которых постоянно жила усмешка, адресованная то миру, то себе. Каштановые волосы она стригла коротко, чтобы не мешали, — и это было единственной уступкой, которую она делала своей женственности: всё остальное подчинялось функции. Форма, ботинки на плоской подошве, пистолет на бедре, рация на плече. Она носила всё это, как рыцарь носит доспехи, — привычно и с лёгким презрением к собственной броне.

Ей было двадцать семь. Она уже успела разочароваться в полиции, но не успела из неё уйти. Это — характерное состояние для людей, которые знают, что дом сгнил, но не построили ещё нового.

Рация хрюкнула.

— Нэвилл, у тебя вызов. Миля двенадцать, шоссе сорок. Сообщили о мотоциклисте, который стоит на обочине. Не движется. Возможно, пьян, возможно, мёртв. Разберись.

Таша вздохнула. «Возможно, пьян, возможно, мёртв» — так мог бы звучать девиз всего её участка. Она завела мотор, и крузак, тяжёлый и неповоротливый, как совесть, покатился по шоссе.

Шоссе сорок в этом месте бежало через коридор из клёнов и каштанов. Деревья смыкались над дорогой, образуя тоннель, сквозь который свет падал кусками — как через витражи. Вчера прошёл дождь, и асфальт ещё блестел, отражая небо с той же честностью, с какой зеркало отражает лицо. без прикрас, без сожаления.

Мотоцикл она увидела издалека. Он стоял на обочине, накренившись на подножку, — длинный, хромированный, с высоким рулем, который делал его похожим на животное, вставшее на дыбы. Harley-Davidson Softail Classic — она знала эту модель, потому что знала все модели, хотя мотоциклы не любила. Они были частью пейзажа Мэриленда, как крабы, голуби и разочарование.

Мотоцикл был красив. Таша не хотела этого признавать, но он был красив так, как бывают красивые вещи, которые сделаны не для красоты, а для чего-то другого, и красота получилась случайно, побочным продуктом.

Рядом с мотоциклом сидел человек.

Не лежал — сидел. На гравии, на обочине, прислонившись спиной к дереву и вытянув ноги, как будто отдыхал после долгой прогулки. На нём были джинсы, кожаная жилетка — без рукавов, поверх клетчатой рубашки — и ботинки, которые стоили, наверное, как недельная зарплата Таши. Голову покрывала бандана — чёрная, с белым черепом, который Таша сочла безвкусным, но характерным.

Он не был пьян. Он не был мёртв. Он читал книгу.

Когда Таша вышла из машины и подошла к нему, он поднял глаза, и она увидела, что они у него — серые, светлые, почти прозрачные, как вода над белым песком. Лицо было загорелое, обветренное, с морщинами вокруг глаз, которые говорили не о возрасте, а о том, что человек этот много щурится — то есть много смотрит против солнца, то есть много ездит. Ему могло быть тридцать, могло тридцать пять. Он улыбнулся — не нагло, не испуганно, а так, как улыбаются люди, которых мир не удивляет, но и не раздражает.

— Доброе утро, — сказал он. — Кофе не угостите?

— Вы стоите на обочине уже двадцать минут, — сказала Таша, не отвечая на вопрос. — Жалоба от водителя. Что вы тут делаете?

— Читаю, — он поднял книгу, показывая обложку. Это был Сэлинджер. «Девять рассказов».

— На обочине шоссе.

— Это лучшее место для чтения, — сказал он серьёзно. — Никто не мешает. Разве что полицейские.

Таша посмотрела на него с тем выражением, которое её напарник называл «коп-фейс». Он не испугался. Это было странно. Обычно люди пугались, даже если ничего не нарушали, — потому что форма означает власть, а власть означает возможность неприятностей, а возможность неприятностей — это уже повод для страха.

— Водительские права, — сказала она.

Он достал бумажник — медленно, без суеты, давая ей вре-

мя увидеть, что он не тянется к оружию. Это был жест человека, который знает, как работают полицейские, и не хочет создавать проблем. Ни себе, ни ей.

— Роберт Кэш. Друзья зовут Бобби.

— У вас есть друзья?

Он снова улыбнулся. Улыбка у него была — как поздняя осень: немного печальная, но тёплая.

— Достаточно, — сказал он.

Она проверила права. Чистые. Никаких штрафов, никаких арестов. Он был зарегистрирован в Балтиморе. Профессия — механик.

— Мотоцикл исправен?

— Был исправен. Теперь — не очень. Бензонасос. Нужно дождаться ребят из клуба, они привезут запчасть.

— Какого клуба?

— «Дорожные псы», — сказал он так же спокойно, как назвал бы имя брата.

Таша знала этот клуб. Все патрульные в Мэриленде его знали. «Дорожные псы» — не самые отмороженные, но и не ангелы. Они держали мастерскую на окраине Фредерика, устраивали пробеги по округу, иногда попадались на превышении скорости, но серьёзных дел за ними не числилось. Клуб был — из тех, которые существуют не для криминала, а для того, чтобы мужчины с седыми висками и мотоциклами вместо жён имели место, куда можно прийти и быть понятым.

— Далеко до мастерской?

— Миль пятнадцать. Но не переживайте, офицер, — он произнёс «офицер» так, что слово перестало быть титулом и стало именем, — меня заберут.

— Не переживайте, — повторила Таша иронично. — Меня переживает не ваша судьба, а то, что вас могут снести фуруй.

— Тогда пусть меня снесут. У меня будет ещё двадцать минут, чтобы дочитать.

Она не ответила. Поднялась к машине, вызвала эвакуатор — не для него, для мотоцикла, потому что бросить хромированного зверя на обочине было бы нарушением протокола и здравого смысла. Потом вернулась и протянула ему свой кофе.

— Пейте. Пока ждёте.

Бобби принял стаканчик. Их пальцы соприкоснулись — на секунду, не дольше, — и Таша почувствовала что-то странное. Не электрический разряд, не трепет бабочки в животе — ничего из романтического арсенала, который она не сочиняла бы даже под угрозой смерти. Она почувствовала узнавание. Как будто встретила человека, которого давно знала, но забыла, и вот — память возвращается, по капле, по запаху, по тени.

Она отошла. Села в машину. Дождалась эвакуатора. Проследила, как мотоцикл погрузили. Бобби так и остался сидеть под деревом с книгой и пустым стаканчиком.

Когда она уезжала, он помахал ей рукой — лениво, по-дружески, как машут соседу, а не полицейскому.

Она не помахала в ответ. Но в зеркале заднего вида смотрела на него дольше, чем следовало.

Глава 2. В которой Таша решает, что ничего не было

В участке пахло хлоркой и плохим кофе. Эти запахи — хлорка и плохой кофе — были, по мнению Таши, двумя столпами, на которых держалась американская правоохранительная система. Третий столп — цинизм — обеспечивался персоналом.

— Слышал, ты подобрала байкера, — сказал напарник, детектив Маркус Хейл, бросая на стол папку с таким видом, будто папка была виновата во всех его бедах.

— Я не подобрала байкера. Я вызвала эвакуатор для мотоцикла.

— То же самое, — Маркус был крупный, лысый, с глазами, которые смотрели на мир с выражением вечного подозрения. Он был хорошим копом — в том смысле, что пахал, не брал взяток и искренне верил, что мир можно починить, если достаточно упорно собирать доказательства. Таша его уважала, но не разделяла его веры. — Это был из «Псов»?

— Да.

— Что делал?

— Читал Сэлинджера.

Маркус посмотрел на неё, ожидая продолжения. Продол-

жения не было.

— Читал Сэлинджера, — повторил он. — На обочине.

— На обочине. В хорошую погоду. С неработающим мотоциклом. Это не преступление, Маркус.

— Байкеры — не преступление, — согласился он. — Но это — провоцирует. Какая погода.

— Какая погода?

— Хорошая. Слишком хорошая. Для байкера. Они обычно ездят, а не сидят.

— Может, у него мотоцикл сломался.

— Может, — сказал Маркус с интонацией, которая означала: «Не верю, но спорить не буду».

Таша забрала папку и пошла к себе. Кабинет её был — как камера: маленький, без окна, с одним стулом и столом, на котором стоял монитор, достаточно старый, чтобы считаться раритетом. Она работала за ним, и ей приходилось биться с ним, как средневековый рыцарь бьётся с драконом: не потому, что хочет, а потому, что деваться некуда.

Таша достала телефон. Зачем — не знала. Зачеркнула. Знала. Открыла поисковик. Набрала: «Дорожные псы, Фредерик, Мэриленд».

Клуб был — настоящий. С мастерской на улице Патрик, с сайтом, который выглядел так, будто его делали в 2003 году и с тех пор не трогали, и с фотогалереей, где бородатые мужчины в кожаных жилетках позировали на фоне мотоциклов с выражением суровой гордости, как будто только что выиг-

рали войну и ещё не успели об этом пожалеть.

Она пролистала галерею. Нашла его — на шестой фотографии. Бобби стоял у стены, скрестив руки на груди, рядом с таким же хромированным Softail. Он не улыбался — но глаза у него были такие же, как утром: прозрачные, тёплые, с той лёгкой печалью, которая бывает у людей, видевших что-то, чего не могу описать словами.

Подпись гласила: «Bobby Cash, Road Captain».

Дорожный капитан. Тот, кто прокладывает маршрут для пробега. Тот, кто знает дороги. Таша подумала: это — человек, чья работа — выбирать путь. А её работа — следить, чтобы он по этому пути не уехал слишком быстро.

Она закрыла телефон. Положила его на стол экраном вниз. Сказала себе: ничего не было. Был вызов. Был человек. Была книга. Был кофе. Ничего не было.

Телефон зазвонил. Незнакомый номер.

— Офицер Нэвилл? — Голос был его. Бобби. — Это Бобби. Кэш. Я нашёл ваш номер в отчёте, который вы составили. Надеюсь, это не преступление — звонить полицейскому.

— Зависит от того, зачем вы звоните.

— Хочу вернуть стаканчик. И поблагодарить. И... — пауза, — предложить кофе. Настоящий. Не из автомата. Выпьете со мной кофе, офицер?

— Я не пью кофе с подозреваемыми.

— Я не подозреваемый. Вы сами проверили — чисто.

— Я не пью кофе с незнакомцами.

— Так познакомимся. Я Бобби. Читаю Сэлинджера. Чиню мотоциклы. Не кусаюсь. По четвергам езжу на побережье смотреть на закат. Это всё, что нужно знать для первого знакомства, не так ли?

Таша молчала. В трубке было слышно, как где-то на его конце звенит металл — наверное, он стоял в мастерской, и вокруг него чинили мотоциклы, и мир был пропитан запахом бензина и машинного масла, и всё это было — не её мир. Совершенно, безусловно, категорически не её.

— В пятницу, — сказала она. — После смены. В шесть. В том кафе на перекрёстке Вейн и Мейн. Там кофе лучше, чем на заправке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.